Ключ от всех дверей

Автор:
Ольга Йокай

Ключ от всех дверей

Ольга Николаевна Йокай

Ивашка не простой был отрок, а ключ. Мог он отпереть все, что заперто, мог пройти и через двери, и через миры, и сквозь время! Как игла сквозь рогожу! Потому и держал его Чародей в тайной крепости, ждал, когда Ивашка подрастет и сила его в самую пору вступит. Да только одного не учел: сам по себе ключ дверь не откроет. Чтобы он повернулся в замке – нужна рука, да не простая. Умелая. Ключник. А как ключ с ключником сойдутся – сам черт им не брат!

ТАУ-РИШ

Часть 1. Башня

Шурх, шурх, шурх – били по воздуху громадные птичьи крылья. Холодный ветер раздувал белую рубашонку Ивашки, теребил его светлые кудри. Мальчишка не мог даже громко плакать – дух захватило от ужаса и странного восторга. Он лишь судорожно всхлипывал, цепляясь одеревеневшими скрюченными пальцами за гладкие и шелковистые птичьи перья.

Гуси равномерно взмахивали крыльями – шурх, шурх, шурх. Но Ивашке мерещился ещё какой-то звук, исходящий от них – такое же равномерное монотонное жужжание. Далеко-далеко внизу – там, куда Ивашка не смел смотреть, потому что у него кружилась голова, – в предутреннем зябком тумане плыла земля. Верхушки тёмных мохнатых елей, шелестящие ветки осин будто провожали его, скорбно кланяясь вслед.

В непроглядной дали осталась родная деревня, отец с матерью, сестрёнка Машутка.

Ивашка понял, что никогда-никогда не увидит их больше.

Он длинно всхлипнул. Слёзы двумя дорожками высыхали на его побелевшем лице.

Деревья внизу вдруг расступились – и на прогалину будто выскочила вросшая в землю и показавшаяся крохотной с такой высоты бревенчатая избушка. Ивашка растерянно моргнул и пригляделся повнимательнее – любопытство пересилило страх перед высотой. Нет, избушка вовсе не вросла в землю! Она стояла на двух широко расставленных, огромных птичьих лапах! А на коньке крыши торчали и скалились белёсые человеческие черепа!

Оцепенев от ужаса, Ивашка изо всех сил, до боли зажмурил глаза. Он не хотел, не хотел этого видеть!

Гуси начали плавно снижаться, круг за кругом, пока не опустились на землю точнехонько возле избушки.

Так и не посмевшего разлепить веки Ивашку подхватили под мышки чьи-то жёсткие крючковатые пальцы, больно впиваясь в рёбра.

Ивашка едва приоткрыл один глаз и смутно различил над собою морщинистое тёмное старушечье лицо, седые волосы, обвязанные платком, светящийся холодным острым интересом взгляд из-под кустистых бровей.

Баба Яга! Мамка сказывала о ней сказки одну страшнее другой.

– Бабушка, – обмирая, надрывно прошептал мальчик, – бабушка, ты меня съешь?

В ответ у него над головой раздался хриплый, каркающий старухин смех.

– Нет, милок, – басом проговорила она, – не съем, если ты будешь меня слушаться.

– Я буду, буду, – взахлёб, торопливо поклялся Ивашка, понимая, что ещё немного, и он позорно обмочится. – Я буду, ей-Богу!

…Проснувшись, он рывком сел на постели, чувствуя, что и правда чуть не обмочил её.

Сердце отчаянно рвалось у него из груди, и он машинально прижал к рёбрам растопыренные пальцы.

– Бабушка! – тихо и безнадёжно позвал он, лихорадочно озираясь по сторонам.

Но её здесь не было. Она никогда не приходила сюда. Приходил только чёрный чародей.

Ивашка медленно спустил на холодный каменный пол босые ноги и побрёл сперва к лестнице, а потом вниз – в нужник, чуть пошатываясь и цепляясь плечом за шершавую стену.

Как же он ненавидел этот проклятый сон.

И эту башню, где был заперт вот уже десять лет.

* * *

Ивашка выглянул в окно на едва слышный шум, раздавшийся в глубине леса. На щеке у него осталось пятнышко белой краски, которой он замазывал изрисованную раньше часть стены под новые рисунки. Длинные волосы он кое-как собрал на затылке в спутанный пучок. Волосы эти, золотистые, как колосья пшеницы, ему только мешали. Он отрешённо подумал, что волки, должно быть, гонят по лесу оленя.

Он не знал страха перед дикими зверями. Для них он был недосягаем.

Далеко за лесом смутно виднелся островерхий терем, излучина широкой реки, белокаменная церквушка на взгорке вспыхивала золотом куполов, а вокруг нее толпились добротные, в два этажа избы. Зажиточное, видно, село.

Но не туда стремилось Ивашкино сердце. Больше всего на свете он мечтал вернуться домой. Прочь от страшного чёрного чародея, назад в избушку на птичьих лапах, в подполе которой ему однажды открылась дверь.

Дверь в эту башню.

Ивашка сердито сморгнул невольно набежавшие на глаза слёзы.

Он сам был виноват в том, что очутился здесь. И если бы сейчас начал оплакивать свою участь, то прорыдал бы несколько часов кряду, свернувшись калачиком на каменном полу. Так уже было не раз. И это никуда не годилось.

Рисунки стали единственной его отрадой в проклятой темнице. Значит, надо было рисовать, вот и всё.

Ивашка снял свою белую рубаху, чтобы не заляпать её краской, и небрежно швырнул ее на каменный подоконник единственного окна. Она тут же раздулась пузырём, заплескалась на ветру, и он, немного подумав, положил сверху книгу. И поднялся на нижнюю ступеньку прислонённой к стене маленькой деревянной лестнички, чтобы рисовать дальше.

Краски, кисти, книги ему по его просьбе со снисходительной усмешкой давал чародей. Не приносил с собой, нет. Вещи словно появлялись из воздуха, повинуясь щелчку его длинных сухих пальцев. И Ивашка смертельно боялся всего этого лишиться, ведь тогда он бы просто сошёл здесь с ума от одиночества и тоски. Поэтому он не смел сердить чародея. Послушно отвечал на все его вопросы, стараясь показать, что даже не мыслит о побеге. Тот был им доволен, похоже, Ивашка его забавлял. Он улыбался и трепал его по щеке, по спутанным кудрям. Ивашка терпел, но всегда чувствовал, что нутро у чародея чёрное и зловонное.

Пустое.

* * *

Охотника, пробиравшегося сквозь чащу, звали Мизгирь. Впрочем, он скорее был разбойником, нежели охотником: не гнушался остановить на дороге какого-

нибудь купца и вытряхнуть у того из-за пазухи кошель с серебром.

Мизгирь и выглядел как тать – высокий, плечистый, темноволосый и смуглый, с хищной ухмылкой и серыми глазами, всегда прищуренными, словно от сильного ветра, отчего в углах этих глаз рано появились морщинки.

Норов у него был весёлый, жестокий и наглый.

В мире, где он родился, но покинул не по своей воле и потом начисто о нём забыл, таких, как он, называли словом «мерген» – стрелок.

Мир этот агонизировал вот уже много лет, о чём Мизгирь тоже не подозревал. Единственное, что осталось у него из забытой им жизни – старинный револьвер с серебряной рукоятью. Оружие его гильдии, его клана. Он не помнил, откуда тот взялся, но дорожил им, как не дорожил ничем другим из раздобытого или нажитого добра. Под нос очередному толстосуму сунуть его случалось, но вот в дело Мизгирь оружие свое пускать не спешил. Чуял, что опоганит его этим, потому и берег.

К затерянной в глухом лесу таинственной башне он шёл долго. Люди болтали о ней всякое, и ему стало любопытно. Говорили, что попасть туда невозможно, потому что там-де нет входа. А стены слишком высокие и гладкие, чтобы по ним взобраться. С виду башня казалась заброшенной, но кто-то нет-нет, да и подмечал издали отблески света в её единственном окошке-бойнице наверху. Как такое могло быть?

Ни тропинок, ни дорог сюда не вело. По дремучей чащобе пришлось поплутать изрядно. Мизгирь пробирался через валежник, через колючие заросли сарсапарели, вконец изодрав и штаны и даже кожаную куртку, сам весь исцарапался. Но такой уж он был: если что втемяшится в голову – ни за что не отступит.

И вот наконец вышел к башне, остановился, машинально отирая кровь со ссаженной щеки. Запрокинул голову – и присвистнул: «Высоко, чёрт!»

И кто ж ее такую сложил здесь? Для каких целей? Вокруг – лишь заросли густого терновника. И могучее каменное тулово вздымалось из этих кущей под самые небеса. Гладко обтесанные розоватые валуны были пригнаны друг к другу так

плотно, что даже лезвие ножа меж ними ними не всунешь.

«И порода не местная» – прикидывал про себя Мизгирь. «Здесь все больше песчаник-трескун по горам попадается, а он рыхлый и ломкий, слоистый» – он приложил ладонь к прокаленному солнцем камню – и ощутил едва уловимую дрожь, идущую изнутри. Так гудит осиный улей, скрытый в стволе дерева. Тревожно.

А в лесу ни птичьего гомона, ни свиста, будто вымерло все. И от этой звенящей тишины ему еще больше стало не по себе. Мизгирь прижался ухом к стене – гул стал четче. Налетел порыв ветра – и что-то наверху прошумело. То ли крыло, то ли полотнище развенулось. Он вскинул голову – и впрямь: высоко над ним, под самой крышей, виднелось малюсенькое оконце, а из него развевалась, полоскалась по ветру какая-то белая тряпица. Мизгирь сощурился, не поверив собственным глазам.

***

Под порывом ветра оставленная на подоконнике рубашка снова приподнялась, надулась парусом и опустилась обратно. Ивашка на миг обернулся. Ему вдруг пришло в голову, что эта белая ткань на его окне выглядит как призыв о помощи.

– Ну же, пусть хоть кто-нибудь сюда придёт, – взмолился он, сам не зная кому, и длинно мазнул кистью по стене, выводя контуры – силуэт то ли путника, то ли воина. Статного и высокого. А потом слез со своей лестницы, шагнул обратно к подоконнику, собираясь надет рубашку, но замер, чутко прислушиваясь, словно застигнутый врасплох олень.

Мизгирь же готов был поклясться, что увидел наверху человека! Но как он туда попал, если входа в башню попросту нет?

– Э-эй! – проорал он во всё горло, запрокинув голову.

Ивашка вздрогнул и высунулся в окно, почти улёгшись животом на подоконник. Он даже преодолел привычный страх перед высотой, от которого сосало под ложечкой.

– Кто там, внизу? – окликнул он неуверенно.

– Дед Пыхто! Я это! – Мизгирь подбоченился, нахально осклабившись. – А ты что там делаешь?

Человек наверху не казался ему опасным. Длинноволосый и явно юный, очень тощий, он поспешно надевал свою рубаху.

Вот это зря, поскольку Мизгирь не успел его толком рассмотреть.

– Ты парень или девка? – прокричал он. Его ещё пуще разбирало любопытство.

Ивашка захлопал ресницами и вновь поспешно собрал растрепавшиеся волосы в пучок, безжалостно скрутив их на затылке. Его приняли за девчонку! Вот ещё!

– Парень я! – обиженно крикнул он прорезавшимся вдруг голосом.

Хотя злиться не было повода, с такого расстояния немудрено и спутать.

– Ты заблудился? Здесь никто не ходит мимо, даже троп нету, – примирительно произнёс он, снова свешиваясь вниз.

С высоты он, как мог, присмотрелся к этому новому человеку. Когда гуси унесли его от родного дома, из людей он видел лишь Бабу Ягу да чародея. Он различил, что у чужака чёрные волосы, загорелое лицо и белозубая улыбка.

А Мизгирь хмыкнул.

– Ну парень так парень. Я искал, чем бы здесь поживиться, – добавил он, решив быть откровенным.

– Как это? – непонимающе поинтересовался Ивашка. – Здесь нечем… живиться, только я один да стены. Тут и входа-то нету.

Чужак казался сильным. И немного опасным. Но не таким страшным, как чародей, при виде которого парнишка всегда цепенел от ужаса.

Мизгирь длинно присвистнул и задумчиво поскрёб в затылке.

– Да, такое болтали. Но я не верил… и сейчас не верю, право слово. Ты торчишь в этой башне один? Совсем? Среди голых стен? И там даже нет дверей? Ты не можешь выйти наружу? Что за чертовщина!

Это не укладывалось у него в голове.

– Я отвечу «да» на все твои вопросы, хоть ты и не веришь, – вздохнул Ивашка. На сей раз он даже не обиделся. – А стены… они не такие уж и голые. Я рисую на них.

Так здорово было в кои-то веки поговорить с кем то живым! А этот человек внизу, судя по всему, не был трусом. Вдруг он не испугается и чародея, с замиранием сердца подумал Ивашка. Даже сможет сразиться с ним?

– Если хочешь посмотреть, поднимайся сюда, – выпалил он, обречённо понимая, что человек под башней, конечно, не согласится на эдакое безумство.

И правда, надо было быть совершенно безумным, чтобы, подобно мухе, ползти по этой почти отвесной стене. И ради чего? Ивашка же только что сам сказал, что здесь нет никаких богатств, которыми чужак хотел поживиться.

Мизгирь с минуту постоял в раздумье, а потом тряхнул головой, и глаза его загорелись азартом.

– А давай!

В конце концов, он столько времени шёл к этой башне, продираясь сквозь чащобу – не для того же, чтобы взять и вот так легко повернуть назад, даже не попытавшись проникнуть внутрь. И ещё ему был чертовски любопытен этот малец там, наверху.

Ивашка прикусил губу, не осмеливаясь поверить своему счастью.

– Подожди, я тебе помогу! – умоляюще попросил он и, отпрянув от окна, принялся лихорадочно рвать покрывало со своей постели на узкие полосы, чтобы

связать в какое-то подобие верёвки. Дело шло туго, он торопился, шипел от досады, дёргал ткань зубами. Та оказалась чертовски прочной, и это было даже хорошо, но Ивашка панически боялся, что чужаку надоест ждать, и тот всё-таки уйдёт.

Завязав последний узел, он снова до пояса высунулся из окна и срывающимся голосом позвал:

– Ты ещё тут? Эй! – и выложил на край окна моток своей самодельной верёвки.

Мизгирь никуда не ушёл. Он всё ещё ломал голову над тем, как парнишка попал в башню, кто его там держит, и не сорвётся ли он сам, пытаясь до него добраться.

– Да здесь я, – ворчливо отозвался он. – Ох, чует моё сердце, я тут костей не соберу…

– Верёвка вышла не такой уж длинной, – виновато признался Ивашка. Он понимал – если чужак сорвётся и рухнет вниз, он ничем не сможет ему помочь. – Слушай… слушай, тебе придётся немного вскарабкаться по стене самому.

Мизгирь в ответ лишь замысловато выругался, но Ивашка уже бросил вниз конец верёвки. Она и вправду не доставала до земли. Но на увитой плющом серой стене старой башни оказалось достаточно трещин и выбоин, чтобы добраться до этой хлипкой опоры.

Второй её конец Ивашка плотно накрутил на своё тонкое запястье и перехватил двумя руками.

– Полезешь? – с надеждой крикнул он.

– Я-то полезу… – пробурчал Мизгирь, отыскивая носком сапога выступ поудобнее. – А вот ты удержишь ли? Я здоровый.

Паренёк казался ему слишком хрупким.

Ивашка и правда засомневался, удержит ли он такого крепкого мужика. Он ещё раз отчаянно огляделся по сторонам. И не придумал ничего лучше, чем прикрутить конец веревки к перилам лестницы, ведущей на нижний ярус башни. Прикрутил – и опять высунулся в окно.

– Готово! Теперь точно выдержит! Не бойся!

Ему так хотелось, чтобы этот чужак попал сюда, в его темницу. Чтобы помог. Защитил от чародея.

Он снова свесился вниз и затаил дыхание, наблюдая, как сноровисто тот начинает взбираться вверх, цепляясь за каждую выбоину в камнях. Сердце у него так и прыгало от волнения.

Мизгирь наконец добрался до верёвки, деловито подёргал за неё и вновь принялся карабкаться выше. Верёвка натягивалась струной, трещала, но выдерживала его вес. Узлы на ней – вот что было лучше всего. Ладони жгло огнём, но это можно было стерпеть.

Лишь бы не сорваться!

Вниз, в разверзшуюся под ним бездну, он старался не смотреть. Только на тонкое большеглазое лицо парнишки в окне. Глаза такого цвета – жёлто-зелёные – он видел раньше лишь у диких лесных кошек. Малец так прикусил от напряжения побелевшие губы, будто сам сейчас лез по верёвке, подумал Мизгирь с неожиданной теплотой. Вот бедолага-то.

– Как тебя звать-величать? – весело осведомился он, упираясь ногами в стену, чтобы немного передохнуть.

– Ивашка, – растерянно выпалил тот, заморгав длинными ресницами. – Не отвлекайся… не сорвись!

– А ты не болтай под руку! – усмехнулся Мизгирь, продолжая свой путь, а Ивашка нетерпеливо затоптался на месте, ловя момент, когда надо будет помочь ему перевалиться через подоконник. И наконец он смог ухватить чужака за воротник потёртой охотничьей куртки, напрягая все силы. Воротник

затрещал, Мизгирь придушенно выругался, уцепился за раму окна и спустя пару мгновений уже стоял рядом с Ивашкой, отдуваясь и вытирая взмокший лоб, но при этом задорно скалясь.

Ивашка же без стеснения, жадно его разглядывал, просто поедая глазами каждую морщинку на смуглом лице, каждую застежку на куртке, пряжку на сапоге. Он готов был даже трогать своего нежданного гостя, вертеть и ощупывать со всех сторон, но это, конечно же, было бы невежливым.

– А тебя как зовут? – задыхаясь от волнения, вымолвил он.

– Мизгирь, – небрежно бросил тот, в свой черёд с любопытством рассматривая Ивашку.

Про себя он отметил, что малец бледненький и худосочный – ещё бы, всё время сидеть взаперти! Белая рубаха болталась на его плечах, штаны были подвёрнуты до колен, ноги босы.

И мелкий – ему по плечо. Но его кошачьим глазам в мохнатых ресницах и золотым волосам позавидовала бы любая девка.

– Мизгирь – значит – паук, – коротко пояснил он и горделиво рассмеялся. – Так что не стоило бояться за меня, я цепкий.

– Мизгирь… – очарованно повторил Ивашка это странное имя, будто пробуя его на вкус, перекатывая на языке. – Мизгирь.

Тот тем временем принялся обходить комнату по кругу. Она и была круглой, совершенно круглой. На полу лежала бурая медвежья шкура, а в закопчённом камине тлели дрова. Напротив камина стоял длинный сундук с аккуратно свёрнутой постелью на нём. Всё это Мизгирь оглядел лишь мельком.

Прежде всего он увидел расписанную стену. Вернее, рисунок на ней был только начат, но там уже угадывался силуэт человека. Грозный, величественный. Силуэт… стрелка. Мергена.

Почему ему пришло на ум именно это слово?

– Кого это ты намалевал тут? – отрывисто осведомился Мизгирь, обернувшись к Ивашке и в упор уставившись на него своим пронзительным волчьим взглядом.

– Да я и сам не знаю толком… – тот даже растерялся и испуганно заморгал. – Мне просто приснился этот человек. Я и подумал, что могу его нарисовать.

А сейчас он решил, что привиделся ему именно Мизгирь, явившийся вдруг из неведомых далей. И рисовал он как раз его. Но сказать вслух об этом побоялся. Взгляд чужака отчего-то стал злым и смятенным.

Тот кивнул, будто принимая такой невнятный ответ, и парень незаметно перевёл дыхание.

– Но откуда же ты берёшь дрова для этого камина? – продолжал допытываться Мизгирь. Он не считал, что парнишка ему врёт или недоговаривает, но всё здесь было таким странным! – А еду и питьё?

Он обвёл рукой пространство вокруг себя..

– Эти вещи… они что, из воздуха тут взялись?

Ивашка так неистово закивал, что спутанные волосы упали ему на лицо.

– Дрова в камине горят всегда, – чуть заикаясь от волнения, принялся объяснять он. – Тут ночами холодно… и вообще промозгло, и они горят то сильнее, то слабее, но всегда. А еду и воду я достаю из сундука.

– Чего-о? – оторопел Мизгирь.

Парень снова закивал и открыл было рот для дальнейших пояснений, но Мизгирь, в два шага оказавшись рядом с сундуком, рывком приподнял его брякнувшую крышку.

– Ничерта тут нет, – разочарованно протянул он, для верности пошарив рукой внутри. – Пусто, – он повернулся к Ивашке, сердито сдвинув тёмные брови: – Малец, если ты всё-таки мне врёшь…

– Я не вру! – отчаянно выкрикнул тот. – Клянусь чем угодно! Дважды в день там появляются еда и питьё, всё горячее, как будто только что из печки! Блины, пирожки, мёд, жареное мясо, сбитень в крынке… Подожди вечера, и ты сам убедишься! Это чародей так придумал! И всё остальное он мне даёт… как ты сам сказал – из воздуха. Он просто щёлкает пальцами и…

– Постой, – бесстрастно оборвал его Мизгирь. Подошёл и встал совсем рядом, так что тот невольно отступил на шаг. Мизгирь тяжело усмехнулся. – Чародей, говоришь? Расскажи-ка мне про него поподробней.

– Он… очень страшный, – горячо выдохнул Ивашка. – Весь закутан в чёрное, только лицо очень бледное. И он всё время улыбается, как будто ему весело смотреть на меня. Как будто ему смешно. А мне очень страшно.

Мизгирь задумчиво кивнул, и парень выдохнул с облегчением, но и с некоторой тревогой. Он так боялся, что этот странный охотник ему не поверит. Но он тут же снова напрягся, потому что Мизгирь с прежней напористостью спросил:

– Скажи лучше, как ты вообще сюда попал и для чего?

Это и был самый главный вопрос.

У Ивашки задрожали губы. Он прислонился к изрисованной стене, не замечая, что пачкает белую рубашку свежей краской.

– Для чего… я не знаю, – беспомощно пробормотал он. – Я и сам всё время об этом думаю.

– А как давно ты здесь? – прервал его Мизгирь новым вопросом, сам присев на сундук и сосредоточенно хмуря брови.

– Десять лет, – просто ответил Ивашка. – Вот, я делаю зарубки, – он указал острым подбородком на деревянную раму окна, и только тут Мизгирь заметил, что вырезанные на ней чёрточки – вовсе не узор, как ему показалось сначала.

– Десять лет? – ахнул он, ошеломлённый.

– Почти десять, – уточнил Ивашка. – Девять лет, десять месяцев и восемнадцать дней.

Он выпалил всё одним духом, будто хвастаясь. Потому что видел, какое впечатление это произвело на охотника, и даже чуть возгордился.

– Понятно, – протянул тот. – А сколько тебе сейчас лет? Можешь сказать и не с такой точностью, – он чуть усмехнулся краем твёрдых губ, хотя ему было совсем невесело.

– Семнадцать, – с готовностью ответил Ивашка.

– Понятно, – помолчав, повторил Мизгирь. – Ладно. Но как же вся эта чертовщина случилась с тобой?

Ивашка сглотнул.

– Всё началось ещё раньше, – будто через силу вымолвил он, побледнев так, что его лицо стало чуть ли не белее рубахи. – Сначала гуси принесли меня к бабушке.

– Какие гуси? – осторожно спросил Мизгирь. Он видел, что с пареньком творится неладное, и решил быть помягче. – Садись сюда, – он приглашающе похлопал ладонью по крышке сундука рядом с собой. – А то ещё упадешь. Вон ты какой бледный.

Ивашка послушно сделал пару нетвёрдых шагов и сел, вновь машинально закручивая в узел рассыпавшиеся волосы.

– Бабушка – Баба Яга. Она жила в избушке в самой чаще… и у неё были волшебные гуси. А я играл возле своего дома, когда они прилетели. Играл со своей сестрой. Её звали Машутка, – припомнил он. – Но гуси искали меня.

– Сколько тебе тогда было лет? – снова перебил его Мизгирь.

– Бабушка потом говорила, что три года, – неуверенно пробормотал Ивашка. – Она научила меня считать, читать и писать. Она была… добрая… хотя послала за

мной гусей. Было так страшно лететь. Я боюсь высоты, – честно признался он и знобко передёрнул плечами. – Я даже в окно это никогда не высовывался так сильно, как сегодня.

– Потому ты и не сбежал отсюда? – догадался Мизгирь. – Ведь ты же давно мог и сам связать такую верёвку и спуститься по стене.

Ивашка протестующе мотнул растрёпанной головой:

– Нет! Не мог!

– Я понял, – Мизгирь успокаивающе потрепал его по мягким, как шёлк, волосам.

– Нет! – надрывно повторил Ивашка, на миг прикрыв глаза. – Ты не понял. Я не хочу наружу, – он кивнул в сторону окна. – Я хочу вернуться туда, откуда пришёл.

– Ладно, ладно, – Мизгирь убрал руку. – Тогда просто расскажи, откуда же ты пришёл и почему не смог вернуться.

Паренёк опять прерывисто вздохнул.

– Мне было семь лет, когда бабушка ушла из дому. Она нечасто меня оставляла одного… и всегда говорила, чтобы я никуда не лез и ничего не трогал. Но у неё было столько всякого… чудесного! Сама избушка… Знаешь, она стояла на настоящих птичьих лапах! И ещё – наливное яблочко, что каталось по серебряному блюдцу и всё-всё показывало! Других людей и города! И чёрный кот, огромный, он не умел разговаривать, но понимал меня, а я его! Я звал его Мурысь, – Ивашка сразу оживился, его бледные щёки порозовели. – Но я ни разу не был в подполе. Бабушка мне его не велела даже открывать. И я решил посмотреть, что же там. Отодвинул запор, откинул крышку, она была тяжёлая, но я справился. А Мурысь шёл со мною. И мурчал, как будто торопил. И когда мы спустились туда, там, внизу, оказалась дверь, – теперь он говорил всё быстрее и быстрее, захлёбываясь словами.

Он впервые рассказывал другому человеку о том, что случилось тогда.

– Было очень темно, но эта дверь как будто светилась по краям. И подпол как будто раздвинулся, когда мы там оказались. Я не знаю, как лучше объяснить…

Он виновато посмотрел на Мизгиря, и тот ободряюще кивнул:

– Просто рассказывай.

– И на двери было написано, – ломкий голос Ивашки упал до шёпота, от которого у Мизгиря по спине вдруг прошёл мороз. – Написано: «Чародей».

Он умолк, словно обессилев.

– И что же? – хрипло поторопил Мизгирь. Право, он редко чего боялся в своей беспутной жизни. Но когда представил себе, как маленький беленький мальчик с огромным чёрным котом у ног стоит во тьме перед светящейся по краям дверью, его снова пробил озноб.

– Я открыл её, вошёл внутрь и оказался в этой башне, – закончил Ивашка и глубоко вздохнул. – А когда оглянулся, чтобы вернуться назад, там уже была сплошная каменная стена, а двери не было. И Мурыся не было. Никого не было. Совсем.

– И что дальше? – тихо спросил Мизгирь, невольно коснувшись его руки. Пальцы у мальчишки были ледяными и благодарно шевельнулись в тёплой большой ладони Мизгиря.

– Я очень долго сидел здесь и плакал, – прошептал Ивашка. – Вот прямо здесь на полу. Я поднялся сюда из подвала. Я думал, тут кто-то есть… но никого не было… и выхода тоже не было. Я кричал из окна… просто кричал, звал хоть кого-нибудь, пока не охрип. Но никто не пришёл. Я сидел так три дня… и думал, что умру. А потом пришёл чародей… и сделал для меня всё это… – он обвёл рукой комнату. – Но не потому, что он меня пожалел. Я ему для чего-то нужен… и поэтому он не отпускает меня. Я не знаю, для чего.

Мизгирь хмыкнул про себя, искоса оглядывая его изящную фигуру и милую мордашку… но потом решил, что дело тут, наверное, всё-таки в чём-то другом.

Что-то здесь было ещё, какая-то другая причина.

– Покажи мне этот подвал, – властно распорядился он, поднимаясь с сундука.

Ивашка тоже вскочил и схватил Мизгиря за руку.

– Ты поможешь мне выбраться отсюда? – он уставился ему в самую душу своими гляделками, губы его побелели от напряжения, будто он опять тащил Мизгиря из окна.

– Да, – проворчал тот, отворачиваясь от этого взгляда. Но руки не отнял. – Помогу, чем смогу. Веди уже, не болтай.

И Ивашка потянул его к ведущей вниз лестнице с выщербленными каменными ступенями.

* * *

Лестница оказалась длинной. Очень длинной. Ну да, ведь башня-то высоченная, рассеянно подумал Мизгирь, озираясь по сторонам. Он никак не мог понять, откуда исходит странный зеленоватый свет, похожий на сияние гнилушек. И ещё здесь был явственно слышен ровный монотонный гул, какая-то слабая вибрация, едва различимая слухом, но поднимавшая дыбом волоски на руках. Её почти заглушало непрерывное журчание льющейся воды. Мизгирь сперва решил, что ему это чудится, но нет, вода действительно где-то текла. Где?

– Родник, что ли? – не вытерпев, удивлённо спросил он.

Ивашка чуть улыбнулся, но промолчал, и Мизгирь понял, почему, когда через пару поворотов лестницы в стене справа от них открылась глубокая ниша, в которой с потолка тонкой, но непрерывной струёй падала вода. Падала и, закручиваясь водоворотом, уходила куда-то сквозь дыру в покатом каменном полу.

– Я здесь моюсь… ну и всё остальное тоже, – покраснев до ушей, пояснил Ивашка и отвёл глаза.

Мизгирь в очередной раз покачал головой. Точно, дитя малое. Да даже дитя не стыдится естественных людских надобностей. Мизгирю до этого было любопытно, как же малец с ними обходится, а теперь всё стало ясно.

– Удобно придумано, – сдержанно проронил он. Ему не хотелось смущать парнишку ещё сильнее.

Ступени стали совсем уж крутыми и даже скользкими, а свет в стенах теперь едва мерцал. Приходилось идти медленнее, внимательно глядя под ноги. И наконец, миновав последнюю ступеньку, они вошли под гулкие каменные своды подземелья, пропахшего плесенью.

– Я сюда часто хожу, – дрожащим полушёпотом сообщил Мизгирю Ивашка, по-прежнему крепко сжимая его пальцы. – Всякий раз жду, что дверь…

Он вдруг осёкся и застыл на месте как вкопанный.

– Дверь… – пробормотал он едва слышно и тут же во весь голос ликующе закричал: – Дверь! Дверь! Смотри! Она опять здесь! Её не было… все эти годы! – он возбуждённо обернулся к Мизгирю.

Теперь и тот увидел прямо перед собой тёмный, темнее стен, прямоугольник, из-под краёв которого сочилось всё то же странное зеленоватое сияние, какое они только что видели на лестнице.

– Это ты… это потому, что ты со мной… – прошептал Ивашка. Его била крупная дрожь, глаза блестели, переполнившись слезами, и вдруг он порывисто поднёс руку Мизгиря к губам и поцеловал.

Опомнившись, тот отдёрнул руку и даже спрятал за спину.

– Спятил? Я тебе что, святой, что ли? – проворчал он, смущённый донельзя. – Глянь лучше, что там написано, на двери на этой.

– «Старуха», – прочёл Ивашка, подойдя вплотную и водя пальцем по незнакомым Мизгирю буквам. – Это бабушка!

В голосе его смешались восторг и испуг, но он не трогался с места.

– Ты же хотел выйти, – удивлённо поторопил его Мизгирь. – Открывай.

Он и сам чувствовал то же, что и парнишка – страх и ликующее возбуждение при виде чудесного, непознанного, неизвестного ему. Он невольно опустил ладонь на серебряную рукоять револьвера за поясом, и это привычное движение вдруг всколыхнуло в глубине его души какие-то смутные воспоминания.

Башня.

Дверь.

Башня.

Дверь.

Ивашка тем временем изо всех сил толкнул дверь обеими руками. Та протяжно заскрипела, поворачиваясь на проржавевших петлях, но подалась настолько, чтобы в образовавшуюся щель смог протиснуться не только хрупкий Ивашка, но и Мизгирь.

* * *

Теперь они стояли в деревенском подполе вместо каменного подземелья башни. Мизгирь машинально обернулся – никакой двери за спиной уже и в помине не было. Только потемневшие от времени дощатые стены. Но пол не земляной – сквозь щели в нём что-то виднелось.

«Избушка… на птичьих лапах», – вспомнил он рассказ Ивашки. А тот уже карабкался по деревянным ступеням, пока не упёрся тонкими руками в крышку погреба. Мизгирь, во мгновение ока очутившись рядом с ним, тоже поднатужился, толкая разбухшую крышку вверх.

И она подалась, откинулась, с грохотом ударившись о половицы. Видимо, сломался ржавый засов.

– Бабушка! – захлёбываясь, выкрикнул Ивашка и стремглав вылетел наружу. – Ба…

Он запнулся и смолк на полуслове.

Подтянувшись на руках, Мизгирь торопливо выбрался вслед за ним и тут увидел, что за выскобленным дочиста столом сидит человек в просторном чёрном балахоне, вертя в пальцах полуобглоданную птичью кость и глядя на появившихся будто из ниоткуда людей с ленивым и даже каким-то издевательским любопытством.

– Чародей… – едва слышно прошептал Ивашка и покачнулся.

– А ты кого ожидал увидеть? – врастяжку осведомился тот, и на его тонких губах зазмеилась откровенная усмешка. – Бабу Ягу, как её звали в этом мире? Я давным-давно отправил её туда, где ей самое место.

Он перевёл взгляд на неподвижно застывшего Мизгиря.

– Вот тебя я не ожидал… – протянул он уже безо всякой усмешки. – Знал, что мальчишка никуда не денется. Чтобы отпереть дверь, нужен не только ключ, но и тот, кто воспользуется этим ключом. Откуда тебя вынесло, стрелок?

Стрелок!

Воспоминания обрушились на Мизгиря громадной, удушливой, кровавой волной.

Он – Мизгирь, сын Хорта из рода Кречетов!

Один из стрелков-защитников южных, погибших безвозвратно земель, сперва выжженных до тла, затем добела просоленных прихлынувшим, а потом пересохшим вдруг морем – вот кем он был когда-то.

А перед ним стоял… тот, кто это проделал.

Уничтожил его родные, некогда цветущие степи, превратив их в бесплодную пустошь. Сор-Олум – мертвый солончак.

– Чёрный чародей! – яростно воскликнул он, и револьвер сам прыгнул в его ладонь.

Ивашка пронзительно закричал, и крик этот слился с грохотом выстрела.

Прежде чем тьма накрыла Мизгиря, он ещё успел увидеть, как тает, исчезая, чародей, как реет на налетевшем ветру его балахон, оставляя на столе горстку тёмного пепла, похожего на прах.

Мизгирь очнулся от рыданий Ивашки и кое-как разлепил веки. Сквозь пляшущие перед глазами тени он увидел парнишку. Тот сидел, скорчившись на полу возле него и тихонько скулил, размазывая по щекам слёзы.

– Ну-ка брось, – прохрипел Мизгирь и медленно сел, морщась и держась рукой за затылок, которым, видать, крепко приложился об пол. Но, едва это ему удалось, как чёртов оголец, всхлипывая, кинулся ему на грудь и едва снова не опрокинул.

– Брось, говорю, – прикрикнул Мизгирь, потрепав его по лохматой голове, как щенка. – Где… этот?

Воспоминания вновь слились для него в одну, еле различимую туманную муть.

Ивашка растерянно пожал плечами.

– Пропал. Может, ты всё-таки убил его? – спросил он с отчаянной надеждой.

Мизгирь хмуро качнул головой и коротко ответил:

– Его невозможно убить. Он бессмертен.

Откуда-то он точно это знал. Как и то, что чародей ещё им встретится.

– Кощей Бессмертный?! – ахнул Ивашка.

Не отвечая, Мизгирь поднялся на ноги, опираясь на проворно подставленное парнем плечо, и огляделся по сторонам.

– Ну и где твои хвалёные диковинки? Показывай.

Но показывать было нечего. Ивашка залез даже в печку и под стол, откуда высунулся, расстроенно разводя руками и шмыгая носом. На щеке у него чернел свежий мазок сажи.

– Ничего нету. Он, наверное, всё забрал. Этот… Кощей.

Глаза его полыхнули гневом.

«Ключ», – вспомнил Мизгирь слова исчезнувшего чародея. Ему и раньше доводилось слышать легенду, что есть люди, отпирающие двери в иные миры – ключи, проводники, алтын-кылт – по-разному их называли. Парнишка, выходит, как раз и был из таких. Но, чтобы отпереть дверь, нужен кто-то, кто воспользуется ключом. Кто приведёт его к двери. Кто будет хранить его и беречь.

Ключник. Кылт-иш.

Он ещё раз заглянул в сверкающие глаза Ивашки.

– Давай-ка, пошли отсюда, – негромко велел он. – Поищем сперва твоих родных, поспрашиваем. Тебя должны помнить в округе – не каждый день гуси дитя уносят. Ну, а если никого не найдём… – он умолк.

– Что тогда? – порывисто выпалил Ивашка и затаил дыхание.

– Пойдём бродить по свету вместе, – улыбнулся Мизгирь. И засмеялся, когда Ивашка опять бросился ему на шею.

И тут из-под печки раздался утробный мяв. Не поверив своим ушам, оба переглянулись. Ивашка во мгновение ока опустился на коленки и пошарил рукой за какой-то заслонкой. А потом вытащил на свет Божий очень тощего, ободранного, но здоровенного чёрного кота.

– Мурысь! – восторженно выкрикнул он, поворачиваясь к Мизгирю. Теперь он весь перемазался в саже, но лицо его сияло. – Мы же возьмём его с собой?

Кот тоже умоляюще уставился на Мизгиря, мотая крючковатым хвостом.

Тот вздохнул и проворчал:

– Ладно. Возьмём.

И в памяти его вдруг всплыло странное слово. Он даже знал, что оно обозначает. Единство. Содружество. Исполнение предназначения.

Тау-риш на старом, почти забытом им языке. Братство.

Часть 2.

Испытание

Торная стёжка стелилась им под ноги, весело петляла среди берёз. Шагалось по ней легко – Мизгирь еле поспевал за Ивашкой. А тот оборачивался то и дело, щурился смешно и протягивал ему на ладони то резной лист, то цветок:

– Поглянь, дядя Мизгирь, растёт в ваших краях такое?

– Какой я тебе дядя?! Тоже мне… племянничек выискался! – ворчал стрелок, а в уголках губ таилась улыбка. Нравился ему этот парнишка и этот его лес – в чём-то они схожи были между собой. От чуднЫх белых стволов словно свет исходил, и листва, молодая ещё была, нежная – тонкие ветви гнулись, свешивались косицами…

У Ивашки за спиной котомка, а в ней притомившийся Мурысь спит. Если б не кот, так бы им на болоте и сгинуть. Ан нет!

И сразу вспомнил Мизгирь, как мягким пружинистым скоком, с кочки на кочку, вёл и вёл их кот за собой, прочь от избушки на птичьих ногах. Следом – легонький Ивашка, Мизгирь же замыкал шествие, то и дело бросая сторожкие взгляды по сторонам: не притаился ли кто? Но нет – чисто. Только желтоглазые лягвы по корягам расселись. Чуть приблизишься – прыскают в стороны. Вспучился, надулся под ногами пузырь, лопнул, обдав брызгами зеленой жижи. Парнишка дернулся испуганно, отпрянул – Мизгирь еле успел ухватить его за плечо. Усмехнулся:

– Не боись! Это газ. Болото так дышит.

Ивашка виновато улыбнулся ему, чуть постоял, отдыхая, – и перемахнул через зыбь. Кочка под его ногой влажно чвакнула, ушла под воду.

Стрелок нахмурился. Опасное место! Ему раньше доводилось слышать легенды о болотном народце, о драконах и чудищах, поджидающих путников в топях. Здесь куда ни глянь – всюду погибель.

Мизгирь примерился, сделал широкий шаг, наступая след в след. Но там, где босая ступня мальчишки коснулась кочки легко, подошва сапога соскользнула, разрывая сетку корней. Стрелок взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие – и ухнул в прореху. Нога разом ушла по голень – Мизгирь ощутил, как его стиснуло, жадно потянуло вглубь. Увяз! Он рванулся, силясь высвободиться из ловушки, но тщетно. С каждой секундой он погружался всё глубже. Вот уже по бёдра… по пояс… Стрелок выдохнул, враз унимая подступившую панику. Он распластался поверху, распределил вес равномерно, а сам лихорадочно шарил взглядом вокруг, ища, за что б ухватиться.

Ивашка обернулся, как по наитию, и придушенно вскрикнул. Кинулся вспять. Мурысь тревожно взвыл ему вслед, будто упреждая.

– Руку! Руку давай! – вымолвил парнишка помертвевшими губами, а сам упал на колени в густую стылую грязь, мёртвой хваткой вцепился в коряжину, вытянулся весь. Ледяными пальцами Мизгирь крепко ухватил его повыше запястья, рванулся из трясины ещё раз, вложив все силы. Коряга жалобно хрупнула. Парнишка не отпускал. Закусив до крови губу, он тащил стрелка на себя. Острой болью звенели сухожилия, едва не разрываясь от натуги. И топь отступила! Выпустила жертву с тяжким разочарованным стоном, оставив себе лишь сапоги.

Весь облепленный тиной, мокрый, выполз Мизгирь на взгорок, волоча за собой осклизлую болотную траву. И, едва переведя дух, схватился за кобуру, леденея от дурного предчувствия. Он вытащил револьвер, крутанул барабан, вынул патроны. Да, так и есть. Отсырели. Промокли и оба его патронташа.

– Т-твою погибель! – выругался он, в бессильной злобе саданув себя кулаком по колену. Револьвер без патронов – всего лишь железяка ненужная!

– А он краси-ивый! – зачарованно протянул Ивашка, тронул кончиками пальцев серебряную рукоять. – Тяжеленный небось.

Мизгирь только покосился мрачно. Принялся разбирать оружие. Медленно, со всем тщанием, чистил и смазывал детали. Мурысь тоже подошёл и уставился, будто понимал что!

Вычистив револьвер, стрелок вложил его в кобуру, а негодные теперь патроны ссыпал в сумку. Что бы там ни было – даже безоружный, он оставался стрелком.

– Спасибо, что спас меня! – Мизгирь наконец разлепил сжатые в нитку губы. И от этих простых слов Ивашка так и просиял кошачьими своими глазищами, зарделся как маков цвет. Мизгирь усмехнулся, взъерошил пшеничную макушку мальца.

– Ладно уж… Пошли. Солнце вон за полдень перевалило.

Парнишка согласно кивнул.

Миновали трясину – начали попадаться жиденькие мёртвые ёлочки, сплошь в сизой бахроме лишайников. Но чем дальше от топи, тем выше, ровнее становились они. И вскоре сомкнулся над головами настоящий еловый бор, сырой и темный. Босые ноги тонули во мху едва не по щиколотку. А поверх зелёного ковра будто кровью брызнуло – алые бусины рассыпались.

– Ой! Клюква! – радостно воскликнул Ивашка, наклонился и потянул из мха тоненький стебель с ягодами. Сорвал одну, сунул себе в рот. – М-м! Сладкая! Прошлогодняя! – вторую ягоду он протянул стрелку. – На, попробуй.

– Кислятина лютая! – Мизгирь попробовал и скривился.

– Это ты осеннюю не едал! – парнишка весело фыркнул и тут же заозирался. – Мурысь? А! Вот ты где!

Кот с важным видом уселся на пне и принялся умываться. Мизгирь пригляделся – ну да, так и есть: пусть и заросшая, еле заметная, в папоротниках виднелась прогалинка.

– Тропа! Это же тропа! Ты мой хороший! – Ивашка на радостях сгрёб Мурыся, зарылся лицом в его шерсть. Кот ласково потёрся о щёку парнишки.

– Вау! – покладисто согласился он, поудобней устраиваясь на руках.

И чем дальше они шагали, тем шире становилась тропа, веселей пели птицы. В ельнике замаячили белые стволики. Всё больше, чаще – и вот уже шумит и лопочет вокруг берёзовый лес, нарядный и светлый.

А Ивашка вдруг ахнул и прижал ладони к губам, встал как вкопанный.

– Эй! Ты чего? – Мизгирь тронул его за плечо.

Тот обернулся, глянул снизу вверх широко распахнутыми глазами и чуть слышно вымолвил:

– Мамина палестинка! Я место признал!

Березы здесь расступались и круглая поляна меж ними краснела, кружила голову ароматом. И шагу нельзя было ступить, чтобы не раздавить землянику.

– Вон, гляди! Видишь, ствол раздвоенный? И валун приметный под ним… Мы сюда с лукошками ходили! Я помню! Вон там с Машуткой играли, сестрицей моей, – Ивашка шмыгнул носом, переводя потрясённый взгляд с ягодной поляны на своего спутника и обратно. Потом наклонился, живо набрал полную пригоршню земляники, ссыпал в рот.

Ещё какое-то время они паслись тут в четыре руки: спелые ягоды таяли на языке, оставляли медовую сладость, и не было сил остановиться… Пальцы перепачкались душистым соком.

Наконец путники поднялись, отряхнув с колен сор и двинулись дальше. Вот уже и дымком потянуло – значит, до деревни рукой подать.

– Машутка-то поди большая уж стала! – Ивашка метнул лукавый взгляд через плечо. – Небось заневестилась…

Он замер на опушке, просвеченный солнцем насквозь. Встрепенулся и припустил под горку. Подол белой рубашки полоскался по ветру… И что-то в этом ветре стрелку сильно не понравилось. Его ноздри расширились по-звериному, втянули воздух – так и есть. Гарью пахло. Бедой. И еще сладковатым, поганым, приторным. Так смердело и в его – бывшем его – мире не раз: с тех пор, как мир этот дрогнул, сдвинулся с места. Смертью.

– Стой! – хрипло выкрикнул он вслед парнишке, но было уже поздно…

* * *

Дорога круто забирала вправо, огибая ложок, и Ивашке вдруг вспомнилось пронзительно-ярко, как ехали они когда-то здесь с отцом на подводах, везли сено. Как радостно махали вдвоем с сестрицей с высокой копны, едва завидев знакомые крыши. Их изба самая приметная была – с флюгером-петухом, с просторной левадой. Вот ещё немного, и…

Позади раздался тревожный окрик Мизгиря.

Земля под ногами мягко дрогнула и качнулась, в ушах загудело. Ивашка вскинул подбородок, закрутил головой недоумённо – но нет, ничто не предвещало грозы. С чистого неба светило солнце, звенели жаворонки. Потом издали донёсся глухой гул, словно в лесу валили вековые деревья. В воздухе повис протяжный ноющий звук, бередя самое нутро. Сумно сделалось. Сразу вспомнились треклятые гуси, схитившие его малым из дому, – они на лету издавали такое же вот равномерное монотонное жужжание… И что-то подобное чудилось ему в

стенах башни, его тюрьмы, в самой толще старинного камня – будто там угнездился рой ос.

Всё ближе, громче…

– Чародей… Меня ищет! – выдохнул Ивашка, леденея от ужаса. Упал ничком в придорожную траву, вжался в землю. Над головой летели не гуси. Другая неведомая птица, а может, и не птица вовсе. Две узкие безголовые рыбины, сросшиеся перемычкой у самых хвостов, растопырили в стороны не то плавники, не то крылья. Уродливая тварь плыла над полями, – ни в одной из его книг не было подобного зверя!

Сердце забилось в груди овечьим хвостом. Дыхание перехватило.

– Чур меня! Чур! – шептали помертвевшие губы. Пальцы судорожно стиснули пряди травы, едва не выдирая их с корнем.

Ноющий гул удалялся. Не веря в свою удачу, Ивашка поднялся, потом растерянно огляделся вокруг, ища глазами знакомые избы.

Их не было.

Лишь чёрные остовы печных труб торчали над пепелищем. Груды кирпичей, рухнувших балок, закопченные листы жести… И ни души. Даже вороны, и те шарахались прочь, далеко стороной облетая это гиблое место. С тревожным граем они вереницей тянулись к лесу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/yokay_ol-ga/klyuch-ot-vseh-dverey

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить